

«Хоть в чем-нибудь помочь другим»...

Эпизод жизни М. Волошина в Париже, 1915 год

Приехав в январе 1915 года из Дорнаха в Париж, Волошин поселился в доме 60 на rue de la Toug у Константина Бальмонта и Анны Ивановой. Шла Мировая война — и в том году поэт отождествился на нее проникновенно-горестными стихами, объединенными позднее в книжку «Anno Mundi Ardentis 1915» (М., 1916).

Однако много времени он отдавал живописной работе: в течение января-февраля регулярно ходил на этюды в академию Коларосси, выполнял ряд рисунков для журнала «L'Elan» (публикации — в номерах 2 и 5, вышедших 1 мая и 15 июня), в апреле обратился к живописи маслом. 13 апреля поэт сообщил матери: «Первые два месяца в Париже я (...) позволял себе только ходить на croquis, но ряд рисунков, что мне надо было сделать для одного журнала, вновь прорвал плотину и я все это время, не выходя из комнаты (...) живописал и уже густо завесил стены своей комнаты акварелями». 9 июня Максимилиан Александрович сообщил матери о покупке им масляных красок, добавляя: «Теперь я буду — чувствую — снова (...) работать маслом». (Первые его опыты в этой технике относятся к 1902—1903 годам).

Естественно, что в окружении Волошина в этот период, наряду с литераторами, становится все больше художников. Помимо Амеди Озанфана (редактора «L'Elan») и старых знакомых Одилона Редона, Николая Тархова и Льва Бакста, это — Осип Цадкин, Серафим Судьбинин, Михаил Широков, Анхель Заррага, Владимир Дилевский, Пабло Пикассо, Александр Архипенко, Маревна (М.Б. Воробьева-Стебельская), Дмитрий Стеллецкий, Диего Ривера.

6 марта Волошин сообщил матери, что его рисунки и акварели смотрел Шарль Котте — «один из самых крупных современных художников» — и «совершенно неожиданно (...) нашел в них большое чувство формы и оригинальность».

13 апреля — новое признание Волошина-художника: его акварели «видел недавно Рене Мэнар (это очень крупный пейзажист, создавший первый греческий пейзаж во французской живописи) и очень хвалил».

4 июня поэт пишет матери о еще

одном успехе: «Недавно Бакст смотрел мою живопись. Говорил, что у меня уже вполне законченное владение рисунком и живописное знание, но что необходимо теперь работать масляными красками, густо, и главным образом над natures-mortes, чтобы выработать себе чувство полноты тона».

Эта вовлеченность в артистический мир Парижа и репутация безупречной честности и бескорыстия стали причиной привлечения Волошина к делу материальной помощи русским художникам, застигнутым войной во Франции, — эпизод его биографии настолько же показательный, насколько малоизвестный. Впервые поэт написал об этом матери 3 мая 1915 года: «Меня еще запутали в дела русских художников в Париже». 30 мая, сообщая о «Русском вечере», на котором ему предстояло выступить (с чтением стихов) вместе с режиссером Андре Антуаном, актерами Саша Гитри и де-Максом, Волошин добавлял: «Кроме того, приходится хлопотать и бегать по больным русским художникам, т.к. меня замешали в распределение денег, собранных в России в пользу русских художников в Париже».

По-видимому, главную роль в выборе для этой деликатной миссии именно Волошина сыграли Лев Бакст (знавший поэта с конца 1906 года) и князь В.Н. Аргутинский-Долгоруков, искусствовед и коллекционер, одно время бывший хранителем Эрмитажа, а в 1915—1916 годах — второй секретарь российского посольства в Париже. Одна из их встреч втроем состоялась — согласно письму Аргутинского Волошину — 25 мая; 8 июня князь сообщал Волошину о получении письма Евгения Лансере из Петрограда и приглашал в связи с этим снова навестить его. «Будут Бакст и Стеллецкий, и мы, вместе с Вами, обсудим интересующий нас вопрос».

А 14 июня в письме к матери Волошин объяснял всю ситуацию: ««Мир искусства» сделал сбор в поль-



М.А. Волошин в своей парижской квартире.

зу бедствующих русских художников в Париже. Они эти деньги переслали князю Аргутинскому и просили меня помочь ему в деле распределения их между художниками. Этими деньгами я теперь и занят все время — так что у меня сейчас не остается времени ни рисовать, ни писать стихов, ни статей, ни книг. Я был очень тронут тем, что Лансере (представитель «Мира искусства») спрашивал, не нуждаюсь ли я. Я конечно отказался от этих денег, но был очень польщен таким вниманием».

Заметим, что материальное положение Волошина в тот период было достаточно трудным — но как раз в начале июня у него купили одну акварель (за 150 франков) М.О. и М.С. Цетлины, был обещан гонорар из «Аполлона» (70 рублей), пришло предложение сотрудничества из газеты «Биржевые ведомости» — и поэт, привыкший довольствоваться малым, не мог не уступить более нуждающимся.

Еще 9 июня он писал самому Аргутинскому: «Очень тронут вниманием Лансере ко мне, но к счастью мои материальные дела кое-

как наладилась: удалось совершенно неожиданно продать одну акварель и, кажется, меня соглашались печатать в одной газете (...) Поэтому очень благодарю Вас за Ваше предложение и отказываюсь от него. Мне это тем более приятно, что, обратись я сам за материальной помощью к «Миру искусства», — это поставило бы меня в несколько ложное положение по отношению к тем художникам, за которых собираюсь ходатайствовать».

Дело и без того было шекотливое: «Между парижскими художниками, конечно, идут бесконечные неурядицы и раздоры, — добавлял Волошин в

письме матери от 14 июня. — Все это приходится распутывать».

Получив приглашение Цетлиных погостить на их вилле в Биаррице, Волошин рвался из обезлюдевшего, знойного Парижа («жара стоит африканская»). И в письме матери от 23 июня почти жаловался: «Я все это время по-прежнему занят с головой делами парижских художников, мешающими мне заняться своими делами. Но это, слава Богу, скоро окончится: противно. Очень много гадостей и стяжаний именно со стороны тех, кто меньше всего нуждается».

В волошинском архиве сохранился набросок проекта распределения этих денег — из которого мы узнаем о пребывании в Париже в 1915—1916 гг. ряда русских и польских художников. В рубрике «Семейные» значатся скульпторы Александр Жолткевич (1872—1943), Моисей Коган (1879 — ок. 1943), график Иван Лебедев (1881—1972), живописцы Николай Тархов (1871—1930) и Давид Штернберг (1881—1948). (Фамилии даны Волошиным без инициалов, так что в моей ат-

рибуции возможны ошибки; к примеру, помимо И. Лебедева в Париже находился еще Николай Лебедев, художник Grand Oréga в 1916 г.)

Под заглавием «Очень нужно» записаны реставратор Владимир Дилевский (1883—?), живописец и скульптор Владимир Издебский (1881—1965), скульпторы Яков Лучанский (1876 — после 1958), Владимир Перельман (ок. 1870—1922), художники Мария Стебельская (1892—1984) и Адольф Федер (1886—1943).

Под заглавием «Нужно» — бывший ростовчанин Георгий Артемов (ок. 1890 — после 1955), Гросс, Пинкус Кремень (1890—1981), Телешкович, Черноласкин, Черноусенко, Яхнина. Суммы, каждому из них предназначенные, проставлены рядом: 100, 200, 300, 500 и даже 800 (Тархову) франков; в соседнем столбце — реальная выплата. (По прикидкам Волошина на 18 человек следовало выделить 4300 франков, однако, по-видимому, деньги получили лишь одиннадцать — 3400 франков).

Обделены были «жены» — в этом столбце (без указания сумм) находим фамилии: Барзукевич, Билит (видимо, Яков Билит, 1876 — после 1929), Булаковский (Сергей Булаковский, 1880—1937, одесит), Лерман, Мазель, снова Телешкович, Эдельман. (Поскольку фамилия последнего написана по-латыни, можно предположить, что имеется в виду французский иллюстратор Шарль-Огюст Эдельман (1879 — после 1969) — если жена его была русской).

Последний раздел «Не давал» (с пометой сверху «жены») включает Березина, Билит, Булаковского, Гриновского, Лещинского (возможно — Оскар Лещинский, 1892—1919, поэт и художник), скульптора Хану Орлову (1888—1968), В. Палисадова, Ровинского, снова Эдельмана. Наконец, здесь же записаны (не рукой Волошина!) парижские адреса Билит, скульптора Ксаверия Дуниковского, Когана, Кремня, Орловой, Перельмана, Цадкина, Эдельмана.

Сведения о личном знакомстве поэта имеются лишь относительно пяти из перечисленных в «денежных» списках лиц. В. Дилевский и В. Издебский упоминаются как общие знакомые в письмах к Волошину И. Эренбурга и Маревны; сохранилось по одному их письму к поэту. Иван Лебедев, живший в Париже с 1909 года, подарил Волошину иллюстрированную им книгу Жака де Безье «О трех рыцарях и о рубаше», выпущенную в 1916 г. М.О. Цетлиным в переводе Эренбурга.

Дольше всех, с 1901 г., Волошин знал бывшего москвича Н.А. Тархова — также автора одного письма к поэту (в январе 1916 г.). Наконец, настоящая дружба связала Волошина в 1915—1916 гг. с Маревной (М. Стебельской), рассказавшей позднее об этом в своих мемуарах, вышедших по-английски (1962 и 1972) и по-французски (1979).

Как видим, имена — за малым исключением — отнюдь не громкие, порой не оставившие по себе заметного следа. Но именно им, не проложившим карьеры (или находившимся в начале ее), и нужна была помощь! А готовность помогать была у Волошина органической, примерам его подлинного служения людям нет числа. (Так, летом 1910 года, предлагая молодой поэтессе Марии Моравской отдохнуть в Коктебеле от обступивших ее несчастий, Волошин послал ей денег на дорогу, поясняя в письме: «У меня самого сейчас денег так мало, что я не от избытка своего посылаю Вам, а товарищески с Вами делюсь».) Нота неудовольствия («меня запутали», «меня замешали»...) объяснима: очень уж велик был творческий подъем Волошина в тот год, и так не ко времени было это вмешательство посторонних, более низменных интересов!